

ЛЕСКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ-150

Лев Толстой
и Николай ЛЕСКОВ

«...УМНЫЙ И ОРИГИНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Н. С. ЛЕСКОВ.

Николая Лескова и Льва Толстого связывала хоть и недолгая — всего восемь лет, — но истинно дружеская переписка. К настоящему времени известны 51 письмо Лескова и 10 писем Толстого. Ряд драгоценных писем Толстого не сохранился.

Н. С. Лесков благоволил перед Л. Н. Толстым. Познакомившись с ним в 1887 году, он до конца жизни испытывал на себе его благотворное творческое и нравственное воздействие. «Вы мне сделали много неоценимого добра, — писал он Толстому 21 июля 1891 года, — и мне полезно все, что я о Вас слышу, даже когда Вас порицают и на Вас сочиняют злое».

Лескову довелось лично встретиться с Толстым всего два раза: весной 1887 года в Москве, в хамовническом доме писателя, и зимой 1890 года, когда он два дня гостил в Ясной Поляне. Обе встречи произвели на него неизгладимое впечатление. Запомнил их и Толстой, которому Лесков уже давно нравился как талантливый писатель и глубоко думающий человек. В последний раз, когда наступил час разлуки, Толстой запряг лошадь и лично отвез своего гостя в Тулу на станцию. По пути они продолжали начатые в Ясной Поляне разговоры о жизни, о народе, о литературе.

Еще задолго до личной встречи Толстой с интересом следил за творчеством Лескова и откликался на него одобрительными, а иногда и критическими замечаниями. Что касается Лескова, то для него Толстой стал самым дорогим человеком и горячо уважаемым учителем, хотя он не все разделял в его религиозно-нравственной доктрине. Свое чувство уважения и преклонения перед автором «Войны и мира» он однажды выразил так: «Толстой есть для меня моя святая на земле».

Переписка между писателями целиком посвящена литературе и актуальным проблемам русской жизни. Лесков сообщает Толстому о петербургских новостях, направляет ему свои новые произведения и просит «послать» их «Вашей рукою и из Вашей солонки». Одновременно он сообщает Толстому свое мнение о его новых произведениях. Толстой, в свою очередь, исправно читает все присланное Лесковым и по-дружески откровенно выражает свое мнение. Иногда он подкашивает Лескову темы, и тот, подхватывая их, создает отличные произведения.

Мы находим в переписке писателей и глубокие раздумья о своем времени, о нуждах народных. К примеру, когда в 1891 году над Россией навис призрак крестьянского голода, Лесков срочно запрашивает Толстого, «нужно ли нам в это горе встретить и что именно пристойно нам делать». В ответном письме Толстой раскрывает истинные причины надвигающегося бедствия и развивает программу борьбы с ним. Вскоре Толстой возглавляет движение в помощь голодающим, поселяется на Рязанщине в гуще бедствующих деревень и организует бесплатные столовые, где питаются около сорока тысяч человек. Эта его деятельность глубоко сочувствовала Лескову, вызывая восхищение Чехова, Короленко, Репина и других деятелей культуры, стремившихся помочь всенародному горю.

Толстой делится с Лесковым своими творческими раздумьями. «Начал было продолжать одну художественную вещь (рассказ «Кто прав?»), — А. Ш., — пишет он ему 10 июля 1893 года, — но, поверьте ли, совестно писать про людей, которых не было и ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести оживают, или я отживаю?».

В другой раз, после прочтения натуралистической повести И. Н. Потапенко «Семейная история», он пишет Лескову: «Вся наша беллетристика всех этих Потапенко положительно вредна. Когда они напишут чтонибудь не безнравственное, то это нечаянно. А критики-то распекаются и разбирают, кто из них лучше». Лесков разделяет справедливое недовольство Толстого и в своих ответных письмах и статьях ратует за реализм, за подлинную правду в литературе.

II

Сочинения Лескова нравились Толстому глубиной содержания, ярким, образным языком, красочностью жизненных деталей. Вместе с тем он иногда указывал, что сочинения Лескова страдают «избытком таланта», то есть излишней буйностью красок и характерностью выражений, что может утомить читателя.

Особенно нравился Толстому рассказ Лескова «Под рождество обидели». Лев Николаевич писал о нем В. Г. Черткову: «Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов. И как хорошо бы было, если бы можно было напечатать». Толстой имел в виду напечатать его в близком ему народном издательстве «Посредник» для самого широкого читателя, и это вскоре ему удалось. Позднее он включил рассказ в свой «Круг чтения» и продиктовал в фонограф для крестьянских детей. Когда на рассказ появились нападки в печати и Лесков ответил на них остроумной заметкой «Обуянная соль», Толстой с удовлетворением писал ему: «Ваша защита — прелесть, помогай Вам бог так учить людей. Какая ясность, простота, сила и мягкость».

С похвалой Толстой отзывался о рассказе «Кользанный муж» («Хорошо») и особенно о рассказе «Загон». О последнем он писал Лескову: «Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать».

Некоторые сочинения Лескова (роман «Некуда», повесть «Зенон златокузнец») вызвали у Толстого возражения, но зато он радовался появлению рассказов, которые были ему по душе. Так, прочитав легенду «Прекрасная Аза» и сравнив ее с «Легендой о советном Даниле» (обе легенды были изданы «Посредником»), он писал П. И. Бирюкову: «Лескова легенду прочел в тот же день, как она вышла. Эта еще лучше той. Обе прекрасны. Но та слишком кудрява, а эта проста и прелестна».

«Кудрявыми» Толстой называл произведения Лескова, в которых автор давал чрезмерную волю своему неуемному дару изобразительности. Так, по поводу сказки «Час воли божией», написанной на сюжет Толстого, Лев Николаевич дружески писал ему: «Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... потом выступил ваш особенный недостаток <...> exuberance (избыток, — А. Ш.) образов, красок, характерных выражений, которая вас спьяняет и увлекает. Много лишнего, несоразмерного, но verge (жар, восторг, — А. Ш.) и тон удивительный. Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишек таланта, была бы лучше».

Н. С. Лесков не обижался на замечания Толстого. В ответном письме от 6 декабря 1890 года он писал ему: «За высказанное Вами мнение сердечно Вас благодарю. Вы верно замечаете: некоторая «кучерявость» и вообще «манерность» — это мой недостаток. Я его чувствую и стараюсь от него воздерживаться, но не успеваю в этом. Дайте-ка мне еще тему для сказочки: я еще попробую написать без кудряшек. А мне легко и приятно писать на Ваши темы».

В 1908 году Толстой перечитывал сочинения Лескова, подбирая в них рассказы для крестьянских детей. Позднее, в 1910 году, он с восторгом отозвался о мыслях и изречениях Лескова, доставленных ему в рукописной тетрадке. Когда вскоре выяснилось, что это — мысли самого Толстого, в разное время выписанные Лесковым в свою заветную тетрадь, Лев Николаевич был несколько смущен, но очень тронут тем, какое значение Лесков придавал ему.

III

Существует мнение, будто Лесков в последний период своей жизни следовал не только гуманистическим принципам Толстого, но и его писательской манере. Исследователи сближают легенды Лескова с народными рассказами Толстого, находя в них элементы прямого воздействия толстовской стилистики и поэтики. Это неверно. Лесков был глубоко самобытным художником. Вместе с тем он, по его признанию, учился у Толстого — учился жить и творить в согласии со своими нравственными принципами, ощущая сердцебиение народной жизни. Это выражено в его письмах к Толстому: «В Вашем слове я всегда черпаю силу, которая в нем есть и которая мне доступна для усвоения» (из письма от 22 июля 1888 года). «Когда я пишу, — я всегда имею Вас перед собою и таким образом как бы советуюсь с Вами» (из письма от 10 января 1893 года).

Лесков всю жизнь пристально следил за творчеством Толстого. Он был одним из первых, кто еще в 1869 году вопреки мнениям видных критиков высоко оценил эпопею «Война и мир» и защитил ее от нападок. Не робей перед высшими военными «ааторитетами», обвинявшими Толстого

в искажении исторических событий, в статье «Герои Отечественной войны по гр. А. Н. Толстому» Лесков дал такое истолкование романа, которое доныне сохраняет свою актуальность. Он назвал «Войну и мир» наилучшим русским историческим романом, «гордостью современной литературы». Отвергнув обвинения, будто Толстой допустил ошибки в деталях военных описаний, он утверждал: «Нас мало занимают эти детали». «Нам нравится самый дух этих описаний, в которых волею-неволею чувствуется веяние духа правды, дышащего на нас через художника».

«Анне Карениной» Лесков не посвятил столь пространного обзора, но он прочитал роман с глубоким проникновением в его внутренний смысл. Об этом свидетельствует краткое, но восторженное письмо к Ф. М. Достоевскому, написанное в ночь на 7 марта 1877 года под впечатлением только что прочитанной февральской главы его «Дневника писателя», в которой анализируется роман Толстого. «Сказанное по поводу «негодая Стивы» и «чистого сердцем Левина» так хорошо, — чисто, благородно, умно и поразительно, — писал он, — что я не могу удержаться от потребности сказать Вам горячее спасибо и душевный привет».

В последующие годы Лесков не раз откликался на творения Толстого. Таковы его яркие статьи «О драме Толстого и ее варианты», «По поводу драмы «Власть тьмы», «Рассказы к стати» (по поводу «Крейцеровой сонаты»). Позднее Лесков отозвался также на появление толстовского «Календаря с пословицами на 1887 год», на повесть «Смерть Ивана Ильича», на статьи и трактаты «Исповедь», «В чем моя вера», «О жизни» и другие сочинения Толстого.

Заинтересованно следя за всем, что выходило из-под пера Толстого, Лесков столь же внимательно читал и критические отзывы о его сочинениях и неизменно бросался в бой против ложных мнений о них. Так, например, было в 1880-х годах, когда недруги Толстого попытались опорочить его народные рассказы, ставя им в упрек: одни — избыток религиозности, а другие — отсутствие ее. В статьях «Лучший богомолец» и «Откуда заимствован сюжет пьесы графа Л. Н. Толстого «Первый винокур» Лесков показал, что истоком народных рассказов Толстого являются русский фольклор и драгоценные памятники древнерусской литературы. Подобно этому, он в блестящей полемической статье «О куфельном мужике и проч.» защитил от нападок повесть «Смерть Ивана Ильича» и при этом подчеркнул: «Граф Л. Н. Толстой, без всякого сомнения, самый крупный современный литературный талант во всем свете...». Жестокую отповедь он давал и нечестным журналистам, которые, «с налету» побывав в Ясной Поляне, писали о ней всякий вздор. В этих случаях его перо уподоблялось бичу, и он хлестал их едко и зло («О хождении Штанделя по Ясной Поляне», «Курская трель о Толстом».)

Лесков воспринимал Толстого не только как величайшего писателя его времени, но и как вы-

дающегося мыслителя и общественного деятеля. В отличие от многих критиков, которые почитали обличительные трактаты Толстого 1880-х годов признаком заката его художественного гения, он увидел в них проявление той же его силы и мощи. По поводу прочитанной им в гектографированных списках толстовской «Исповеди» и статьи «В чем моя вера» он писал в марте 1886 года А. С. Суворину: «А замечаете ли Вы, что Лев Толстой и в нынешнем своем настроении оживает литературу. Он шевелит совесть, будит мысль, переустанавливает точки зрения на лица и репутации».

Сочувствуя усилиям Толстого в издании литературы для народа, Лесков безвозмездно предоставил издательству «Посредник» многие свои произведения, и оно по рекомендации Толстого, издавало их массовыми тиражами по дешевой цене.

IV

Замечательную переписку Лескова с Толстым восполняет неизданная переписка Лескова с Софьей Андреевной, Татьяной Львовной и другими обитателями Ясной Поляны. Сохранившиеся в архиве Толстого 19 писем к ним показывают, сколь дороги были автору «Очарованного странника» вести из дома Толстого, с какой жадностью он расспрашивал и узнавал обо всем, что касается Льва Николаевича.

Дружба Лескова с членами семьи Толстого началась в 1890 году, когда он с большим радением был принят в Ясной Поляне. Вернувшись домой, он горячо благодарил Софью Андреевну за гостеприимство и писал: «Вы знаете, конечно, как я люблю Вашего мужа и поверьте, что все близкое к нему мне дорого».

В последующих неопубликованных письмах к ней и особенно к старшей дочери Толстого Татьяне Львовне он много рассказывает о себе, но неизменно запрашивает о здоровье и творческой работе Толстого. «Мы ведь жадно интересуемся всем касающимся «нашего» яснополянского семейства» и любим не одного Льва Николаевича, а всех, кто ему близок, дорог и нужен», — пишет он 12 февраля 1893 года.

В нескольких письмах Лесков рассказывает о том, как он добывает, читает и пропагандирует запрещенные сочинения Толстого. Раздобыв рукописный экземпляр трактата «Царство божие внутри вас», он пригласил целую группу петербургских литераторов и организовал коллективную читку. «Рукопись мы читали очень хорошо, — пишет он Татьяне Львовне, — т. е. основательно, неспешно, с вопросами и взаимными дебатами. О впечатлении теперь не буду говорить, так как оно огромно и еще не утряслось».

...Дружеские отношения между Толстым и Лесковым никогда ничем не омрачались. Когда в 1893 году Лесков тяжело заболел, Лев Николаевич собрался в Петербург, чтобы навестить его. Глубоко тронутый этим, Лесков горячо благодарил Толстого и, не смея тревожить его, просил об одном: «Напишите мне письмо такое, которое могло бы пользоваться дух мой...». Именно такими были все письма Толстого к нему. Они поддерживали Лескова в его нелегкой жизни. В свою очередь Лесков радовал Толстого единомыслием с ним, редким и самобытным художественным даром. После первой встречи с ним Толстой писал В. Г. Черткову: «Какой умный и оригинальный человек». Свое высококое мнение о Лескове Толстой сохранил до конца жизни.

Александр ШИФМАН,
доктор
филологических наук